

*Ю.Н. Зайцева**

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ
ДИАСПОРЫ В ЛАТВИИ**

В статье исследуются политический статус и общественное положение современной русской диаспоры Латвии, которые существенно изменились за последние 15 лет. Исследование разрабатывалось непосредственно в «эпицентре событий» и отражает реальное состояние русскоязычного населения Латвии. Современное латвийское общество функционирует в рамках двухобщинной модели.

С развалом СССР в Латвии произошла дифференциация по этническому признаку. Латыши, освободившись от навязанной им советской идеологии, словно сняли лишнюю одежду – в советское время они образовали самодостаточную этническую общину, и потому после выхода из СССР и обретения независимости им оставалось только сохранить ее и развивать. В свою очередь, русские в Советской Латвии общались с латышами только на бытовом и профессиональном уровне, в остальных сферах межэтнической коммуникации практически не существовало. На ментальном, этническом уровне русские мало сталкивались с латышской культурой. После развала СССР русские в Латвии словно потеряли почву под ногами и стояли перед дилеммой – вернуться в Россию или остаться уже в другой стране. Русские выпали из своего этноса и были вынуждены искать новые культурные и коммуникационные коды. Русскому населению пришлось адаптироваться не только к формации политической системы, но и принять новую идеологию, а также принадлежность этническому статусу. Из жителей империи они превратились в оккупантов, иммигрантов и национальное меньшинство.

Существуют очень разные мнения относительно того, кем же являются русские в Латвии: национальным меньшинством, этническим меньшинством или государство образующим народом? Несмотря на то, что термин «меньшинст-

*© Зайцева Ю.Н., 2006

Зайцева Юлия Николаевна – факультет журналистики МГУ

во» широко употребляется, до сих пор нет его однозначного толкования. Специалисты по правам человека предложили уже более 200 определений, но ни одно до сих пор не признано исчерпывающим — этнические, языковые, религиозные меньшинства очень разнообразны и не вписываются в застывшие схемы. Главный критерий, конечно же, определен — меньшая численность. Но по сравнению с чем? Меньше половины населения? Меньше основной группы населения, которая тоже может быть менее 50% населения? Меньше, чем совокупность других групп? Хотя в Латвии есть закон с громким названием «Закон о свободном развитии национальных и этнических групп Латвии и правах на культурную автономию», законодательно не определено, кто является национальным или этническим меньшинством республики. Не говорит о том, кто такие национальные меньшинства, и знаменитая Рамочная конвенция по защите национальных меньшинств. В то же время существует один документ Совета Европы (Рекомендация ПАСЕ №1201), в котором Латвия нынче председательствует, где даются критерии людей, которые могут считаться национальным меньшинством:

1. Проживают на территории государства и являются его гражданами.
2. Сохраняют продолжительные связи с этим государством.
3. Имеют особенные этнические, культурные, религиозные или языковые характеристики.
4. Насчитывают значительное количество, хотя меньшее, чем численность остального населения государства.
5. Заинтересованы в совместном сохранении того, что образует их общую идентичность, включая их культуру, традиции, религию или их язык.

По всем вышеперечисленным статьям русские подходят под определение «национальное меньшинство». Спор вызывает только критерий гражданства, в статусе которого находятся далеко не все русские жители Латвии. Однако документы ООН, в состав которой входит и Латвия, определяют, что национальным меньшинством может считаться любой постоянный житель страны, отвечающий всем остальным критериям. Так что и русские неграждане Латвии, и русские граждане России, постоянно проживающие в Латвии, могут считаться принадлежащими к русскому национальному меньшинству Латвии.

Современное латвийское общество функционирует в рамках двухобщинной модели, при которой основными критериями являются «вписанность» или несоответствие требованиям реституции. В связи с этим глубинный раскол русской общины Латвии зиждется на принципе: проживал ли человек (или его родители) на территории страны до 1940 года. Как следствие, к «коренным» жителям относится и часть русских, подпадающих под реституционные требования. В массовом сознании есть четкое деление русской части латвийского общества на русских — «коренных» жителей и на «советских», прибывших в республику после 40-го года. В то же время многие так называемые «коренные»

русские по менталитету и взглядам ближе к латышам и без особых симпатий относятся к приехавшим в советский период.

Среди приехавших в советский период и их потомков деление происходило по принципу адаптированности к латышским реалиям (то, что латышские власти называют термином «лояльность»). Причем наличие или отсутствие гражданства далеко не всегда влияет на степень адаптированности в социокультурной сфере. Среди лиц с неопределенным статусом «гражданина бывшего СССР» немало вписанных в реалии латвийского общества и не желающих уезжать из страны.

Ситуация с правами человека стимулировала адаптивные способности части русского населения, выразившиеся формулой «не протестовать, не уезжать, не натурализоваться». В свою очередь латвийские власти до недавнего времени осуществляли не столько ассимиляционную модель (она как раз предполагает активную интеграцию иноэтнических общностей вплоть до утраты последними самобытности), сколько сегрегационную, предполагающую фактическую изоляцию русскоязычной общины. Немаловажно, что за последние 15 лет в массовом сознании латвийского общества укрепилась идея двухобщинности, если не как нормы, то как данности, в условиях которой сложно, но можно существовать. Этот фактор существенно тормозит процесс интеграции латвийского общества и препятствует натурализации, процессу, который в словарях интерпретируется как «индивидуальный прием в гражданство иностранца по его заявлению» [1. С. 189].

Чем обусловлена подобная модель поведения латвийских властей, по сути тупиковая и не отвечающая перспективным интересам латвийского общества? Можно обозначить ряд факторов этого явления.

1. Выбор подобной модели на начальном этапе независимости был обусловлен стремлением отсечь нелатышскую часть общества от доступа к политическим институтам и к сфере государственного и экономического регулирования. Избежав «угрозы» доступа «чужеродных» и конкурентоспособных «элементов» к власти, латвийские лидеры создали себе другую опасность. По мнению латвийских экспертов, «если бы власти сделали несколько демонстративных шагов навстречу «некоренным», то русские со временем стали бы большими патриотами независимой Латвии, чем латыши». Последовательная реализация принципа национализма оттолкнула многих потенциально лояльных жителей Латвии. В ходе бесед респонденты из числа латвийских политиков и бизнесменов отмечали «ненормальность» сложившейся ситуации, но к 2001 г. сформировались дополнительные механизмы, работающие не только на ее возможную модификацию, но и на поддержку и сохранение.

Недоверчивое и настороженное отношение к России и русским характерно для значительной части латвийских граждан. В печатных источниках на латышском языке нередко встречаются отрицательные характеристики, сквозь призму которых Россия выглядит опасно большой, нестабильной, непрогнози-

руемой, цивилизационно чуждой. Географическое соседство с Россией расценивается как фактор риска для национальной безопасности Латвии. Соответственно, носители русской культуры, языка и других ценностей воспринимаются политической элитой Латвии в контексте их отношения к России, а не как элемент иной, но столетиями вписанной в латвийские реалии культуры. Именно поэтому в Латвии бесперспективны политические объединения, создаваемые по этническому признаку и ставящие своей целью защиту именно русского населения, языка, культуры, а не нацменьшинств в целом.

2. Не исключено, что гипертрофированное чувство опасности со стороны «пятой колонны» культивируется в обществе, раздираемом социальными и экономическими проблемами, сознательно с целью добиться консолидации на основе противостояния «общему врагу». Как следствие, все, что связано с присутствием русских, характеризуется сугубо в негативном аспекте. Любые формы борьбы с «восточной опасностью» трактуются как пример патриотизма. Еще одно подтверждение тому – реабилитация нацистских легионеров.

Реабилитация латышского легиона СС вызвала негативный резонанс не только в России, но и в других странах Европы. Официальная Рига пытается расставить акценты в этом вопросе желанием восстановить «историческую справедливость»: «сочувствие жертвам войны, почтение к седым головам нельзя понимать превратно: у нашего народа, у нашего государства нет ничего общего с нацистской идеологией, как это некоторые стараются представить, и наша обязанность – заботиться, чтобы это превратное понимание не было возможным».

3. Большинство современных политических партий в Латвии занимает жесткую позицию по вопросам либерализации законодательства в отношении «некоренных» жителей и нацменьшинств. Вхождение этих партий в правящую коалицию обеспечивает их финансовую подпитку со стороны бизнеса, в том числе русскоязычного, как реальных лоббистов. В целом крупный русскоязычный бизнес поддерживает именно латышские партии, в том числе материально, в силу их реальных возможностей обеспечить господдержку бизнес-проектов. В результате возникает система поддержки националистических сил в политической элите за счет экономической элиты тех же нацменьшинств.

Русские объединения и организации, культивируя свою «русскость», отсекают другие, нетитульные национальности: немногочисленную часть латышей, не довольных сегрегационной моделью общества; значительную категорию русских, не желающих, чтобы их отождествляли с людьми, подчеркивающими свою «нелояльность» и «бескомпромиссность» как достоинства.

То, что в Латвии большая категория людей поражена в правах, очевидно: 25% населения Латвии не имеют гражданства, причем больше половины из них – уроженцы республики. Среди неграждан русские составляют 60%. Латвия не признает неграждан апатридами и считает их «гражданами бывшего СССР». От участия в управлении государством в Латвии отстранены не только

неграждане, но и 30% представителей нацменьшинств, имеющих латвийское гражданство. Далеко не все из них знают латышский язык на высшем аттестационном уровне, что обязательно для доступа к государственной службе или избрания в представительные органы власти.

Лишены права на натурализацию все, кто понес уголовное наказание; члены Союза коммунистов Латвии; те, кто после 13.01.1991 г. состоял в Компартии, Интерфронте и других оппозиционных организациях. 82% неграждан отмечают сложность сдачи экзаменов на знание латышского языка и истории Латвии. Кроме того, мощности Управления натурализации не позволяют натурализовать более 15 тыс. неграждан в год. В 1999 г. натурализацию прошло 12494 человек. В 2000 г. темпы натурализации снизились на 25%. Но кроме объективных причин, препятствующих натурализации, есть субъективные факторы. Так, мужчины до 27 лет не принимают латвийское гражданство, так как не хотят идти на военную службу. У пенсионеров нет денег оплатить расходы по натурализации. По некоторым данным, сложности с натурализацией – проблема, в первую очередь социально незащищенных слоев, так как коррупция имеет место и при сдаче экзаменов для получения гражданства, (см. таблицу).

Таблица

Распределение русских в Латвии по статусу в 2003 году [2. С. 37]

<i>Категория</i>	<i>Тыс. человек</i>	<i>% от населения</i>	<i>% от русскоязычных</i>
Граждане-нелатыши	441	19.0	45.8
Неграждане	492	21.2	51.0
Иностранцы (граждане России)	31	1.4	3.3
ВСЕГО	964	41.5	100

Закон «О гражданстве» был принят лишь в июле 1994 года, впервые предоставив весьма ограниченные возможности натурализации. В апреле 1995 года был принят ряд поправок к закону, определяющих статус неграждан. В период до 1995 года количество различий в правах граждан и неграждан лавинообразно росло и достигло 69. После того как к проблеме было привлечено внимание международных экспертов, а различия, связанные с приватизацией государственной собственности, утратили свою актуальность, их количество сократилось до 62. Это прямые и косвенные ограничения на доступ к государственной службе (чиновниками, судьями, полицейскими, занятыми на работах, связанных с доступом к государственной тайне и т.п. могут быть только граждане), запреты на профессии (адвокаты, нотариусы, частные детективы и т.п.), ограничения в бизнесе и праве собственности, а также занятия общественных должностей (члены советов религиозных общин, основатели политических партий, члены студенческого совета Латвийского университета и т.п.) и полу-

чении социальных пособий (например, дискриминация при начислении пенсионного стажа или получении муниципального жилья). В 1999 году было отменено лишь одно различие между гражданами и негражданами: у граждан отобрали их эксклюзивное право получать латвийскую пенсию в случае выезда на постоянное жительство за границу. Зато в 2000 году неграждане утратили право занимать ряд должностей в самоуправлениях, которые могут теперь замещать лишь государственные чиновники.

На 1 января 2004 года в Латвии действовало не менее 90 международных договоров самого различного характера, в которых неграждане дискриминируются по сравнению с гражданами. Например, в договоре о правовой помощи с Эстонией и Литвой неграждане упоминаются лишь в том смысле, что стороны обязаны предоставлять о них следующие сведения: о судимости, возбуждении против них уголовных дел, признании их хроническими алкоголиками, наркоманами и душевнобольными. В договоре о защите вкладов с Канадой последняя одинаково оговорила права как своих граждан, так и постоянных жителей, а латвийская сторона этого сделать не пожелала.

Стоит отметить, что в Латвии до сих пор проводилось только одно серьезное исследование, посвященное изучению проблем интеграции русскоязычных в латвийское общество. Оно датируется 2000 годом, и в условиях политических и социальных перемен его уже можно считать несколько устаревшим. Тем не менее его данные достаточно наглядно демонстрируют происходящее в Латвии и отношение русскоязычных к происходящему в стране [3]. Исследование «На пути к гражданскому обществу» представляет собой репрезентативный опрос двух групп населения – граждан и неграждан. Как отмечают авторы – Управление натурализации и Балтийский институт социальных наук, целью исследования было выяснить позицию жителей страны по отношению к происходящим в Латвии демократическим процессам, общественной интеграции, готовности участвовать в политических событиях. Авторы констатируют, что неграждане стали более позитивно относиться к вопросам получения гражданства, однако усилилось напряжение в сфере использования государственного языка. Многие респонденты уверены, что русский язык должен стать в Латвии вторым официальным. Наблюдается и поляризация по политическим убеждениям.

- Развитием демократии в Латвии доволен каждый второй гражданин Латвии и каждый третий негражданин. В то же время мнения латышей и русских схожи в вопросе способности индивида повлиять на решения государственных учреждений. 67% граждан и 70% неграждан не верят в то, что возможно изменить решения государственной инстанции.

- Политический выбор осуществляется по этническому признаку. Важнейшим фактором при выборе политической партии и для латышей, и для русских является ее позиция в отношении языка и культуры. Представители нацменьшинств больше всего обеспокоены нарушением своих прав, при этом латыши

больше всего боятся того, что права русскоязычных будут расширены. Русским ближе «левая» идеология, латышам – «правая».

- Кардинально отличается взгляд латышей и нелатышей на СССР. Две трети граждан считают, что Советский Союз не дал никакого положительного влияния на экономику и культуру Латвии. Две трети неграждан уверены в обратном.

- Признание русского языка вторым официальным поддерживают 55% русских. С тезисом о том, что латышский язык должен знать каждый житель Латвии, согласно только 62% неграждан.

- С утверждением, что статус негражданина является унижительным, согласны две трети неграждан и только треть граждан.

- Отдельно стоит отметить роль средств массовой информации как интеграционного агента. Согласно исследованию, латышская и русскоязычная пресса формируют две закрытые читательские аудитории. Только 5% неграждан читают латышскую газету «Диена» («День»). Аудитории радио- и телестанций пересекаются в большей степени. Российское телевидение регулярно смотрят три четверти неграждан и треть граждан.

- Каждый третий негражданин признал, что в силу плохого знания госязыка не смог бы работать там, где требуется хорошее владение латышским языком.

- Согласно исследованию, «лично причастными» к латвийскому обществу чувствуют себя 95,5% латышей и только 60% русскоязычных. При этом русские чувствуют гораздо большую связь с Латвией, нежели с Россией. Если бы разгорелся вооруженный конфликт между Латвией и Россией, 85,6% латышей и 24,7% русских встали бы на сторону Латвии, 10% латышей и 50% русских заняли бы нейтральную позицию, и 0,2% латышей и 4,8% русских стали бы защищать Россию.

Эти данные наглядно демонстрируют специфические особенности латвийского общества – четкую дифференциацию по этническому признаку. У русских и латышей разное представление о происходящих в государстве политических и социальных процессах. В силу плохого знания латышского языка русскоязычные не могут быть конкурентоспособными на рынке труда, в силу отсутствия правового статуса не могут участвовать в политической жизни страны. Что, разумеется, влечет за собой чувство отчуждения и отстранения от общества и государственной власти. Не удивительно, что в этой ситуации русскоязычные формируют свою общину и информационное пространство, которое в многообразии представлено русскоязычными изданиями. Учитывая, что за последние годы их тираж только вырос, можно предположить, что раскол между двумя общинами в стране только увеличился, даже несмотря на растущие темпы натурализации и проводимую государством политику интеграции общества.

Библиографический список

1. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – М., 2002.
2. Справочник Латвийского комитета по правам человека. – Рига, 2004.
3. На пути к гражданскому обществу. – Режим доступа:
http://www.politika.lv/polit_real/files/lv/uzpilssab2001.pdf

Y.N. Zaitseva

**BASIC TENDENCIES OF RUSSIAN COMMUNITY DEVELOPMENT
IN MODERN LATVIA**

In the paper the political status and the public position of the Russian community in modern Latvia, which have severely changed for the last 15 years is studied. The research is made right in the center of “the events” and describes the real situation of the Russian population in Latvia.